

Восстановление и развитие промышленности Новониколаевска-Новосибирска в годы Новой экономической политики

В.Г. КОКОУЛИН, доктор исторических наук. E-mail: kwladislaw@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-6375-0173
Сибирский университет потребительской кооперации, Новосибирск

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы восстановления и развития промышленности в Новониколаевске (Новосибирске) в годы Новой экономической политики (1921–1929 гг.). Отмечается противоречивая политика власти по отношению к разным формам собственности в промышленности (государственной, кооперативной, частной) в этот период. Анализируются основные проблемы, которые не позволяли повышать производительность труда – безработица, условия труда и уровень заработной платы, отношение рабочих к политическим и экономическим мероприятиям власти. Автор приходит к выводу, что сворачивание нэпа было развитием одной из тенденций, которые были присущи этой политике.

Ключевые слова: Сибирь; Сибревком; Новониколаевск; Новосибирск; новая экономическая политика; нэп; государственная промышленность; кооперативная промышленность; аренда; безработица

Проблема восстановления промышленности после кризисов различной природы – одна из актуальных тем, которая привлекает внимание исследователей разных научных специализаций. Историки, экономисты, социологи и правоведы анализируют источники и темпы восстановления; изменения в законодательстве, необходимые для ускоренного восстановления и развития тех или иных отраслей промышленности; соотношение частного, кооперативного и государственного секторов в экономике восстановительного периода; роль государства; соотношение государственных и рыночных методов; экономические результаты и социальные последствия реформирования системы и т.д. Особый интерес в настоящее время представляют те модели, которые сочетали методы государственного регулирования и рыночные механизмы, в частности эпоха новой экономической политики (нэпа), охватывавшая 1921–1929 гг.

Интерес к периоду нэпа проявлялся в нашей стране неоднократно. Каждый раз, когда начинались масштабные реформы, тема нэпа выходила на первый план. Так было в период хрущёвской оттепели, так было и в эпоху перестройки. В 1990-е гг. всплеск интереса к этой теме по разным причинам стал угасать [Ханин, 2009]. В 2000-е гг. он возобновился, но количество публикаций, и главное – глубина анализа данной проблематики, пока остаются незначительными.

Публикации по этой теме можно условно разделить на две группы. Первая охватывает работы, в которых анализируются управленческие и правовые механизмы регулирования разных форм промышленности в период нэпа [Воронин, 2019; Гуменюк, 2018; Железнякова, 2005; Каташев, 2014; Новиков, Землянская, 2008; Юматова, 2009; Юрлов, 2012; и др.]. Вторая группа посвящена социальным проблемам этого периода и истории повседневности [Красильникова, 2006; Тарасенко, 2013; и др.].

Интерес к проблемам восстановления российской промышленности в годы нэпа проявляется и в зарубежной историографии. Так, архитектору первой системы государственной промышленности в России вице-президенту ВСНХ Г.Л. Пятакову посвящена статья Андреа Грациози [Graziosi, 1991].

Появлению обобщающих работ по истории развития промышленности в годы новой экономической политики в настоящее время препятствует слабая изученность региональных аспектов данной тематики. Имеющиеся исследования по отдельным губерниям и даже регионам посвящены принципиально различным аспектам нэпа и не могут сопоставляться друг с другом. В связи с этим актуальной является задача первичного обобщения материалов на примере как отдельных губерний, так и губернских и уездных городов.

Данная статья посвящена вопросам восстановления и развития промышленности, а также условиям труда и положению рабочих в «столице Сибири» – Новониколаевске (с 1926 г. – Новосибирске) в контексте экономических реформ и преобразований, которые проводили центральные органы власти и Сибревком.

Формы собственности и развитие промышленности

Новониколаевск до Первой мировой войны насчитывал всего 62 тыс. жителей. В городе было 21 промышленное предприятие,

на которых работали 1 100 человек. Поскольку город оказался на пересечении железнодорожных и водных путей, по которым доставляли зерно с Алтая, то естественно, что ведущей отраслью довоенной промышленности была мукомольная. Начало Первой мировой войны несколько изменило структуру городской промышленности. Мукомольные предприятия перестали быть ведущими, их потеснили мыловаренный завод и мясохладобойня, построенные военным ведомством для снабжения действующей армии.

К началу революции 1917 г. в городе действовало 254 промышленных предприятия, городская электростанция, насчитывавшая к 1917 г. 973 абонента, городской перевоз через Обь, кирпичный завод и скотобойня. Число промышленных предприятий несколько сократилось к 1918 г., но катастрофического провала за годы революции не произошло^{1,2}.

Стремительная деградация промышленности и разрыв экономических связей начались в годы Гражданской войны в Сибири. Переход к мирному строительству в городе после её окончания оказался более сложным и трудным, чем можно было предположить. Сопровождавшая войну экономическая разруха привела к опасной социальной напряжённости. Спасаясь от голода, городские рабочие, не имевшие подсобного хозяйства, ушли на заработки в деревню, а те, кто остался на производстве, страдали от отсутствия одежды и обуви, топлива и продовольствия. Преодолеть топливный кризис привычными методами трудовых мобилизаций уже не представлялось возможным. В 1920 г. была проведена национализация всех промышленных предприятий города, причём некоторые предприятия пришлось вскоре закрыть из-за того, что оборудование устарело и пришло в негодность.

Следует напомнить, что политика национализации проводилась большевиками в Советской России, начиная с весны 1918 г. Первоначально в руки Советской власти перешли брошенные прежними владельцами заводы и фабрики, но затем в условиях разгорающейся Гражданской войны большевики взяли курс на централизацию управления экономикой и национализацию крупнейших предприятий основных промышленных отраслей. В Новониколаевске весной 1918 г. для борьбы с саботажем

¹ Весь Новониколаевск: адресно-справ. кн. с крат. историей и пл. города на 1924–1925 гг. Новониколаевск, 1925. 220 с.

² Весь Новосибирск: справ. кн. Новосибирск, 1931. 251 с.

владельцев предприятий местный исполком Совета национализировал мельницы, бани, кинематографы, аптеки, телефонную станцию и другие предприятия [Кокоулин, 2010. С. 104–105]. В недолгий период власти в городе А.В. Колчака национализация была формально отменена, однако некоторые предприятия так и оставались бесхозными или перешли к новым владельцам. После восстановления власти Советов в городе в декабре 1919 г. большевики вернулись к прежней политике по отношению к промышленным предприятиям. Эта деятельность регулировалась как постановлениями Сибревкома, который был высшим органом власти в Сибири, так и ВСНХ, который 29 ноября 1920 г. постановил национализировать все промышленные предприятия, находившиеся в частном владении отдельных лиц или обществ.

Однако это не помогло выйти из экономического кризиса. Выпуск промышленной продукции в Новониколаевске, как и по всей стране сократился в разы, падала производительность труда, сокращалась численность промышленных рабочих.

Введение в марте 1921 г. новой экономической политики меньше всего было связано с проблемами развития промышленности. Изначально эта политика была рассчитана на восстановление производительных сил деревни и улучшение положения крестьянства, а промышленность оставалась на втором плане.

Так, в основных резолюциях X съезда, который вводил нэп в стране («О замене развёрстки натуральным налогом», «О кооперации», «О пересмотре финансовой политики», «Об улучшении положения рабочих и нуждающихся крестьян») речь шла о том, что размер продналога должен уменьшаться по мере того, как «восстановление транспорта и промышленности позволит Советской власти получать продукты сельского хозяйства нормальным путём, т.е. в обмен на фабрично-заводские и кустарные продукты», улучшение положения рабочих путём натурализации заработной платы будет проводиться только в «важнейших центрах Республики»³.

В написанной в апреле 1921 г. работе «О продовольственном налоге (значение новой политики и её условия)» В.И. Ленин высказался более конкретно о состоянии и перспективах развития промышленности: «Нужда и разорение таковы, что восстановить

³ Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года: Стенографический отчёт. М., 1963. С. 608–610.

сразу крупное, фабричное, государственное, социалистическое производство мы не можем. Для этого нужны крупные запасы хлеба и топлива в центрах крупной промышленности, нужна замена изношенных машин новыми и т.п. <...> Значит, необходимо в известной степени помогать восстановлению *мелкой* промышленности, которая не требует машин, не требует ни государственных, ни крупных запасов сырья, топлива, продовольствия, – которая может немедленно оказать известную помощь крестьянскому хозяйству и поднять его производительные силы» [Ленин, 1977. С. 220–221]. При этом руководитель советского государства ссылаясь на опыт развитых стран, которые вынуждены были идти этим же путём после Первой мировой войны.

Введение новой экономической политики на местах оказалось непростым делом, поскольку приходилось не только спешно перестраивать хозяйственные отношения, но и сочетать с новыми рыночными реалиями «диктатуру пролетариата» (которая формально оставалась конституционным государственным строем, пока в Конституции 1936 г. ее не сменил социализм). Тем более что многие хозяйственные и партийные руководители считали нэп кратковременным этапом, после которого произойдёт возврат к привычным не рыночным методам руководства промышленностью, сложившимся в период «военного коммунизма». Именно поэтому они не спешили расставаться с последними.

Что касается Сибири, то ключевую роль в восстановлении и развитии промышленности играл Сибревком – своеобразный дубликат Совнаркома в Сибири [Жокоулин, Лихоманов, 2017]. В июле 1921 г. Сибревком принял постановление о возможности передачи промышленных предприятий кооперативным организациям, частным лицам и концессий иностранным подданным. В постановлении об изменении политики в промышленности в условиях нэпа, принятом 26 августа того же года, Сибревком наделял государственные предприятия правами, «позволяющими им проявлять коммерческую гибкость и успешно конкурировать с частными предприятиями». Конкретизированы эти положения были в тезисах Сиббюро ЦК РКП(б) о формах организации промышленности в условиях нэпа⁴.

⁴ Сибирский революционный комитет (Сибревком). Август 1919 – декабрь 1925 г.: Сборник документов и материалов. Новосибирск, 1959.

Рассмотрим, как проявлялась эта политика на примере Новониколаевска, поскольку он был столицей Сибири после того, как в 1921 г. в город были переведены из Омска общесибирские административные органы.

В Новониколаевске в начале 1921 г. было три вида предприятий: государственные, полугосударственные-полукустарные и кустарные. Характерно, что именно последние в условиях новой экономической политики имели преимущество в получении кредитов от государства, однако за ними устанавливался жёсткий контроль вплоть до мелочной регламентации того, какие изделия и в каком количестве они должны были производить. Всё это тормозило их самостоятельное развитие.

После объявления нэпа в городе, как и во всей стране, был пересмотрен список национализированных предприятий. В государственной собственности из двухсот с лишним предприятий было решено оставить лишь 46, на которых числилось 3 300 рабочих. Затем этот список вновь сократился: часть предприятий была сдана в аренду. Арендаторами могли быть государственные или кооперативные организации, но допускалась и сдача в аренду частным лицам. Последнее, впрочем, было явлением достаточно редким, поскольку после Гражданской войны и аннулирования сибирских (колчаковских) денежных знаков средств у частных лиц на аренду предприятий просто не было.

Самыми крупными госпредприятиями в городе были мукомольные (17 мельниц с 700 рабочими) и три кожевенных завода. Следует напомнить, что реально «продразвёрстка» в Сибири собиралась вплоть до осени 1921 г. и монополию Сибпродкома на зерно и кожу никто до этого времени не отменял. Сибпродком же был чрезвычайным органом, подчинённым не Сибревкому, а напрямую Наркомпроду. Сибревком формально мог принять решение о передаче этих предприятий в аренду, но фактически это было невозможно, поскольку обеспечить их сырьём ни кооперация, ни частник не могли. Была предпринята попытка передать их в ведение Новониколаевского губпродкома (соответствующее решение было принято в сентябре 1921 г.), но и это не помогло наладить работу этих предприятий, и в ноябре 1921 г. из-за недостатка топлива и отсутствия зерна две мельницы пришлось полностью закрыть, а остальные продолжали влечить жалкое

существование. Кожевенные предприятия также не работали – не хватало топлива и не было сырья⁵.

В итоге из-за невозможности организовать нормальную работу многих национализированных предприятий было решено сдавать в аренду всем желающим всё, что возможно. К концу 1921 г. Новониколаевским губсовнархозом было передано арендаторам 67 предприятий: 11 кожевенных заводов, две шорных мастерских, 11 мельниц, две кофейных фабрики, два маслобойных завода, шесть колбасных мастерских и т.д.⁶ Но наладить работу некоторых так и не удалось. И даже в течение 1922 г., когда ситуация с топливом и сырьём стала выправляться, количество работающих предприятий всё равно не достигало общего количества сданных в аренду (в конце 1922 г. работало 60 предприятий, а в апреле 1923 г. – 64). Правда, количество рабочих за это же время несколько сократилось – с 1960 до 1887, что косвенно свидетельствует либо о том, что наряду с началом работы некоторых предприятий другие ее прекращали (лишь число вновь заработавших превышало количество прекративших работу), либо о простом уменьшении численности рабочих на действующих предприятиях. К сожалению, состояние источниковой базы не позволяет сделать однозначные выводы. Также незначительно увеличилось количество арендованных предприятий (с 9 до 10 с 243 рабочими), на которых средства производства оставались в государственной собственности, и частных (с 1 до 2 с 19 рабочими), на которых средства производства принадлежали самому владельцу предприятия⁷.

Точное количество работающих предприятий установить в настоящее время достаточно трудно из-за несовершенства статистики начала 1920-х гг. и плохой сохранности документов. Однако можно утверждать, что работала примерно половина из всех предприятий, имевшихся в городе в начале 1921 г.

Разумеется, количество предприятий и даже рост их числа ещё не дают возможности утверждать, что началось восстановление промышленности. Если посмотреть на «внутреннюю кухню» работы предприятий, картина будет весьма далека от идиллической.

⁵ Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-1120, оп. 1, д. 159, л. 24; д. 426, л. 8.

⁶ Советская Сибирь (Новониколаевск). 1922. 4 янв.

⁷ Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-1133, оп. 1, д. 342, л. 10.

Что касается частных предприятий, то основной задачей их владельцев было получение максимальной прибыли с минимальными затратами, и в плане организации труда на них фиксировались вопиющие факты. Вот что писала в феврале 1923 г. «Советская Сибирь» об одном из них: *«Частновладельческая табачная фабрика “Заря” оборудована примитивно устроенными машинами, да и те не в порядке. В результате – в помещении фабрики табачной дым стоит “коромыслом”, лица и платья рабочих жёлтые, насквозь пропитанные табачной пылью. Работают на фабрике одни китайцы как наиболее приспособленные к табачному производству. Вентиляция не действует»*⁸. Разумеется, использование труда тех, кого сегодня называют «гастарбайтерами» при значительной безработице было связано исключительно с тем, что те не объединялись в профсоюзы, чтобы требовать улучшения условий труда и повышения заработной платы, в отличие от местных рабочих.

Однако списывать всё на алчность частных владельцев нельзя. Власти порой так относились к ним, как будто они были даже не экономическими противниками или конкурентами, а «классовыми врагами», которые только и стремятся к тому, чтобы «навредить» социалистическому государству. А всякие попытки добиться справедливости буквально тонули в «бюрократическом болоте».

Это ярко иллюстрирует один из случаев, который произошёл в Новониколаевске с братьями Шейными, которые владели масляным заводом, приобретённым ими в 1916 г. и переоборудованным для производства мыла. Завод был небольшой: помимо самих братьев и их семей, на нём работало всего шесть наёмных рабочих. Вся работа выполнялась вручную. Завод работал без перебоев и при Временном правительстве, и при Советской власти, и при Временном Сибирском правительстве, и при Колчаке. Продолжил он работать и после окончания Гражданской войны. Но 23 декабря 1919 г. был «взят на учёт» (не национализирован, а лишь поставлен под контроль государственных органов) без всякого изменения во внутреннем распорядке работы. Вместе с заводом были взяты на учёт запасы сырья. Дальнейшие отношения были взаимовыгодными: губсовнархоз отпускал заводу по твёрдым ценам сырьё, а взамен получал по твёрдым ценам

⁸ Советская Сибирь (Новониколаевск). 1923. 23 февр.

мыло. Если что-то производилось дополнительно, то прежние владельцы могли распоряжаться и продукцией, и прибылью самостоятельно. Точных данных о зарплате рабочих и доходах братьев Шеиных нет, но и фактов недовольства рабочих размером зарплаты тоже не зафиксировано. Однако положение бывших владельцев завода оставалось неопределённым: они не могли распоряжаться заводом по своему усмотрению – продать его или перепрофилировать – для этого требовалось решение местных хозяйственных органов. И уверенности в завтрашнем дне они не чувствовали – власть могла передать руководство заводом кому угодно.

Вот как они сами описывали своё положение в письме, направленном 12 марта 1922 г. в РКИ, президиум ВСНХ и Новониколаевское губернское экономическое совещание: *«Теперь при господстве в области экономической политики власти новых начал трудно даже представить себе всю ту массу неясностей и недоразумений, которые имели место до изменения экономического курса. Часто совершенно неясными были даже отношения друг к другу органов власти, декреты центра частью не доходили, поступающие приходили с неимоверным опозданием и частью даже важнейшие из них не были известны не только рядовым гражданам, но даже и учреждениям областного масштаба»*⁹.

Чтобы хоть как-то закрепить свой фактический статус руководителей завода и обезопасить себя от разного рода неожиданностей, связанных с возможной сдачей завода в аренду кому-то другому, Шеины обратились в губсовнархоз с просьбой сдать им завод в аренду. Губсовнархоз запросил Сибпромбюро, но последнее почему-то решило сдать завод с запасами сырья и мыла не его бывшим владельцам, а некоему М. Н. Савчику, который вскоре распродал сырьё и готовый товар и прекратил работу завода. Шеины обратились в Сибпромбюро с просьбой расторгнуть договор аренды, ссылаясь на действующее законодательство, согласно которому в аренду должны были сдаваться только национализированные предприятия, а не частные. Но президиум Сибпромбюро, заявив, что завод уже сдан в аренду и вернуть его невозможно, рекомендовал Шеиным обратиться в суд¹⁰.

⁹ Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-1138, оп. 1, д. 9, л. 45.

¹⁰ Там же, л. 4–49.

Как ни странно, на государственных предприятиях дела обстояли не лучше, хотя, казалось бы, власть должна была позаботиться о важных с её точки зрения предприятиях, которые сдать в аренду было нельзя. Так, на механическом заводе «Труд» постоянно возникали проблемы, связанные с нехваткой денежных средств для уплаты налогов и взносов и выплаты зарплаты. Об этом сообщил на заседании Закаменского райкома РКП(б) 30 июня 1922 г. управляющий завода П. Н. Караваев, а 31 сентября райком вновь обсуждал ситуацию на заводе. Хотя зарплата рабочим все эти месяцы платилась исправно, управляющий заявил, что хронический дефицит денежных средств сохраняется, и если средства найдены не будут, завод просто придётся закрыть. Также он пожаловался на то, что по требованию рабочих был уволен единственный технический руководитель.

Райком изменить ситуацию не мог, и дело перешло на уровень губсовнархоза. На заседании 5 октября П. Н. Караваев вновь рассказывал о критическом положении на заводе, выручка которого не покрывала хозяйственный бюджет, а именно: социальное страхование, патентные выплаты, уравнильный сбор, отчисление на культурно-просветительные цели, командировки профсоюзных и партийных деятелей, содержание фабзавкома и т.п. Управляющий настаивал на том, что завод необходимо освободить от «непосильных налогов» и обеспечить его в экстренном порядке необходимыми денежными средствами.

Однако комиссия, созданная по решению губсовнархоза, пришла к неутешительным выводам: заказы есть, но завод их не берёт из-за низких цен на продукцию, заводское сырьё продаётся на сторону. К тому же выяснилось, что бухгалтером завода работает свояк управляющего. В результате прежнего управляющего было решено снять и назначить нового. Правда, ситуацию на заводе это не исправило: рабочих пришлось сократить до минимума, а сам завод «поставить на ремонт». Совсем его закрыть было нельзя из-за того, что он был единственным предприятием в губернии, ремонтировавшим сельскохозяйственные орудия и машины¹¹.

Приспособление к рынку в первые годы нэпа, как это отчётливо видно на примере промышленных предприятий не самого

¹¹ Государственный архив Новосибирской области. Ф. П-76, оп. 1, д. 8, л. 5, 32; ф. Р-1120, оп. 1, д. 479, л. 3, 5, 9, 39.

крупного города не только России, но и Сибири, происходило с большим трудом. Попытки сдавать предприятия в аренду постоянно наталкивались на то, что хозяйственные руководители старались сбыть мелкие и средние предприятия с изношенным или устаревшим оборудованием, а это требовало больших затрат от арендаторов, вынуждаемых производить ремонт и переоборудование предприятий за свой счёт.

Завышенная арендная плата, краткосрочность аренды, необходимость отдавать государству часть произведённой продукции привели к тому, что директивы центральных органов о желательности сдачи в аренду предприятий кооперативным организациям остались «на бумаге». Пришлось сдавать предприятия частникам, таким, например, которые получили вышеупомянутую табачную фабрику «Заря».

В то же время сложная хозяйственная ситуация в 1921–1922 гг. не позволяла обеспечить действующие государственные предприятия сырьём и компенсировать нехватку оборотных средств. Поскольку свобода манёвра для них была ещё больше ограничена, чем для предприятий, сданных в аренду, то не удивительно, что на критическую ситуацию с предприятием власть реагировала чисто административными мерами, как это было, например, с механическим заводом «Труд».

Именно в таком виде сложилась экономическая модель промышленности в первые годы нэпа. Характерно, что она с небольшими вариациями просуществовала вплоть до его окончания.

Поэтому кардинальных изменений в развитии промышленности Новосибирска (Новониколаевска) за годы нэпа не произошло. За это время в городе появилось несколько новых предприятий: фабрики «Автомат» и «Динамо», маслобойный завод, раскройно-посадочная фабрика, хлебный завод и т.п. – в основном они были государственные, нацеленные на удовлетворение местных нужд. В 1924–1925 гг. была построена электростанция, в 1927–1929 гг. – водопровод. В итоге к концу 1929 г. в городе работало 44 относительно крупных государственных предприятий с 6,3 тыс. рабочих. Остальные секторы промышленности, кроме мелких кооперативных предприятий, с началом индустриализации были ликвидированы.

Следует также отметить, что многие из государственных предприятий работали в убыток, выживая главным образом за счёт

административной и финансовой поддержки со стороны государства. Интересно, что некоторые руководители таких убыточных госпредприятий требовали от власти не только убрать их частных конкурентов, но и позволить им «заморозить» заработную плату рабочим. Такого рода конфликт, например, разбирался на пленуме Закаменского райкома РКП(б) в декабре 1924 г. Выступивший на пленуме заведующий пивоваренным заводом «Вена» сообщил, что на заводе работают 15 рабочих и три административных работника. Они выпускают 20–25 вёдер пива, но спрос на него не превышает 16 вёдер. Причина – недостаточное качество (из-за непрофессионализма прежнего заведующего), а также конкуренция со стороны двух частных пивоварен, продукция которых пользовалась спросом. Заведующий просил сделать что-то, чтобы спрос на выпускаемое на заводе пиво был увеличен до 30 вёдер в сутки, а также пресечь требования профсоюза регулярно повышать заработную плату рабочих¹². Следует добавить также, что завод работал с убытками, которые до поры до времени покрывались губсовнархозом.

Естественно, что партийный комитет удовлетворить предъявляемые требования не мог, но и остаться непричастным также не было возможности. Поэтому было найдено чисто административное решение – через губернский совет профсоюзов рассмотреть возможность перевода завода из союза химиков в союз пищевиков, на который и возлагалась неразрешимая задача удовлетворить требования рабочих.

Производительность труда и безработица

Поддержание функционирования государственных предприятий было не единственной заботой местной власти. Восстановление и дальнейшее развитие промышленного производства наталкивались на проблему повышения производительности труда, которая в свою очередь зависела от многих условий – организации производства, стабильности работы, уровня заработной платы и т.д.

В сводках Новониколаевского отдела ГПУ содержатся многочисленные высказывания рабочих на производственные темы. Среди них имеются и такие, которые зафиксировали реакцию рабочих на требования поднимать производительность труда.

¹² Государственный архив Новосибирской области. Ф. П-76, оп. 1, д. 36, л. 94.

Так, в сводке за 24 ноября – 5 декабря 1924 г. отмечалось: *«Член РКП(б) Шипилов, рабочий материальной службы, говорит: “Производительность не подыметься до тех пор, пока правительство не повысит заработной платы рабочим. И если это будет так продолжаться, как сейчас, то производительность совсем упадёт и транспорт встанет”»*¹³.

Новая экономическая политика, как ни странно, не внесла благоприятных изменений в положение рабочих. В период “военного коммунизма” труд носил мобилизационный, принудительный характер. Но и оплата за него была стабильной – в натуральном виде, поскольку основной задачей она ставила не стимулирование производительности труда, а необходимость элементарного поддержания минимального уровня жизни рабочих. Установление денежной оплаты за труд вовсе не компенсировало возможность трудиться без принуждения и мобилизаций, поскольку такая оплата в условиях нестабильных цен и рубля не всегда гарантировала прожиточный минимум для рабочего и его семьи.

Так, в отчёте о деятельности Вокзального районного комитета РКП(б) за 12 декабря 1921 г. – 10 июля 1922 г. отмечалось, что *«общее политическое настроение среди рабочих железнодорожного транспорта и фабрично-заводских предприятий в начале отчётного периода было неопределённое; замечались выпады со стороны целого ряда рабочих, причиной недовольства были нэп и связанные с ним экономические реформы»*¹⁴. Чтобы выжить, железнодорожные рабочие таскали уголь домой. Когда же транспортная чрезвычайная комиссия начала жёсткими мерами пресекать воровство угля рабочими, они стали посылать на этот «промысел» детей, надеясь, что тех пожалеют¹⁵. В 1922 г. рабочие лесопильного завода возмущались: *«Ну её, к чёрту, работу, надо уходить, положительно пропадем с голоду, ни денег, ни муки не выдают»*. Однако уйти было некуда, кроме как в деревню, поэтому рабочие оставались на своих местах в надежде хоть на какое-то материальное вознаграждение¹⁶.

¹³ Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-793, оп. 1, д. 130.

¹⁴ Там же. Ф. П-36, оп. 1, д. 181, л. 22.

¹⁵ Там же, д. 112, л. 69.

¹⁶ Там же. Ф. П-13, оп. 1, д. 483, л. 32.

В период нэпа появилась и проблема безработицы. Во время «военного коммунизма», когда труд носил принудительный характер, ее не существовало, но теперь труд стал свободным, и оказалось, что спрос и предложение на него не совпадают. При этом характерно, что некоторые предприятия явно нуждались в увеличении числа рабочих, но не могли предложить им конкурентную зарплату. Так, в январе 1922 г. на трёх кожзаводах в Новониколаевске и его окрестностях по штату требовалось 310 рабочих, но работало всего 187 человек, остальных не устраивала заработная плата, и они предпочли отправиться на заработки в деревню, которая получила от введения продналога очевидные выгоды, продавая на рынке излишки своей продукции. Любопытно, что на Винзаводе № 1 в Обской слободе города работал 51 рабочий, хотя по штату было положено 47¹⁷.

Безработица оказалась постоянным спутником новой экономической политики. Так, на 1 июля 1922 г. в городе было зарегистрировано 780 безработных, на 13 июля – 710 человек. За это время удалось послать на работы всего лишь 526 человек. В ноябре 1922 г. городская биржа труда зарегистрировала 1 488 безработных, в декабре – 1 128, в январе 1923 г. – 1 034¹⁸.

Примечательно, что структура безработицы менялась со временем, и не в лучшую сторону. Так, зимой 1922–1923 г. армию безработных пополняли преимущественно сокращаемые по штату служащие и работавшие по временному найму сельские жители, а также кустари (сапожные, портные, часовые мастера и т.п.), которые не могли осилить довольно высокие подоходные налоги, накладываемые на частные мастерские. А вот весной 1923 г. почти 60% зарегистрировавшихся безработных оказались квалифицированными рабочими (например, в тот период на упоминавшемся заводе «Труд» не было заказов и заводоуправление предполагало сократить количество рабочих на 30%).

При этом по сравнению с осенью 1922 г. количество зарегистрированных безработных выросло в несколько раз: на 1 февраля в городе насчитывалось 1 288 безработных, на 1 марта – 2 117, на 1 апреля 1923 г. – 3 360, к 1 мая эта цифра возросла

¹⁷ Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-1120, оп. 1, д. 184.

¹⁸ Там же. Ф. П-13, оп. 1, д. 483, л. 32; ф. Р-1133, оп. 1, д. 488, л. 23.

до 4 100 человек. Вакансий же было немного. Например, в феврале 1923 г. их количество колебалось от 209 до 269.

Обычно летом напряженность на рынке труда снижалась, поскольку часть безработных возвращалась в деревню для занятий сельскохозяйственным трудом. Например, к августу 2023 г. на бирже осталось всего 1 338 человек, но в основном это были как раз квалифицированные рабочие – металлисты и строители, хотя было достаточно много и чернорабочих, советских служащих и домашней прислуги.

Зато аптекарские служащие, рабочие типографий и стекольно-фарфорового производства без труда находили работу. Очевидно, потому, что рабочих такой квалификации было в городе практически столько же, сколько рабочих мест для них.

За сентябрь 2023 г. было зарегистрировано 3 639 безработных, однако даже возросший спрос на рабочие руки (1 572 вакансии) не привёл к сокращению безработицы – на 1 октября на бирже числилось 3 706 человек^{19,20}.

В связи с окончанием сельскохозяйственных и строительных работ к зиме 1924 г. количество безработных в городе вновь стало возрастать. На 1 ноября 1923 г. их число составило уже 3 891 человек, к концу года достигло 5 635. В последнем случае сыграл роль приток в «столицу Сибири» трудовых мигрантов не только из сел, но и из других сибирских городов – люди надеялись найти подходящую работу. К 1 февраля 1924 г. число безработных достигло 6 500 человек (и это в городе с населением около 75 тыс. человек), из которых треть была совслужащими, треть – чернорабочими, а треть – квалифицированными рабочими²¹. Естественно, что на почве безработицы росло недовольство рабочих. В отчёте о деятельности новониколаевского губпрокурора за второй квартал 1923 г. отмечалось: *«Безработные утверждают, что в старое время рабочему жилось легче, безработных было меньше, не производилось сокращение штатов и рабочих не выкидывали на улицу без куска хлеба»*²².

¹⁹ Большевик (Новониколаевск). 1923. 27 янв., 2 июня, 23 авг.

²⁰ Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-878, оп. 2, д. 17, л. 16; ф. Р-1126, оп. 1, д. 169, л. 33, 36; ф. П-13, оп. 1, д. 254, л. 4; д. 406, л. 160.

²¹ Советская Сибирь (Новониколаевск). 1924. 17 янв.; 8 февр.

²² Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-878, оп. 2, д. 17, л. 5.

Доведённые до критического состояния нерегулярной выплатой зарплаты и уменьшением её размера, снижением расценок и постоянной угрозой безработицы, рабочие готовы были идти на решительные действия. Так, летом 1922 г. собирались бастовать рабочие типографии губсовнархоза, 15 сентября объявили забастовку рабочие лесопильного завода № 2, потребовав от администрации выдать муку и жалование. Через два дня рабочим стали выдавать муку и они прекратили забастовку. В январе 1923 г. забастовали железнодорожные рабочие станции Черепаново, потребовав выплатить жалование за декабрь 1922 г. и январь 1923 г. Вмешался профсоюз, и необходимые средства были тотчас же найдены. В декабре 1923 г. угрожали забастовкой рабочие каменского завода «Труд», требуя скорейшего заключения коллективного договора. В январе 1924 г. забастовали рабочие паровой мельницы № 11, поскольку её арендатор решил сократить штаты и увеличить рабочий день. Арендатор вынужден был удовлетворить требования рабочих. А 9 мая 1924 г. безработные разгромили городскую биржу труда, недовольные тем, что частники и госпредприятия предлагали им неподходящую работу, а если они от неё отказывались, их ставили в конец очереди²³.

Во второй половине 1920-х гг. ситуация не улучшилась. Так, на 1 января 1925 г. в городе насчитывалось 4583 безработных, 3273 из них были членами профсоюза. Как и следовало ожидать, в зимние месяцы безработица среди квалифицированных рабочих увеличилась у строителей (592 человека). Другая большая группа безработных – металлисты (283 человека). Основную же часть составляли чернорабочие, которых было зарегистрировано 1222 человека, затем совслужащие – 928 человек, и домовые служащие – 560 человек. На 1 октября 1925 г. на учёте Новониколаевской биржи труда состояло 3202 человека. С окончанием строительного сезона ожидалось увеличение безработных на 25–30%^{24,25}.

Безработица продолжала оставаться серьёзной проблемой и после того, как в стране было объявлено о восстановлении довоенного уровня промышленности. Лишь с началом индустриализации выросла потребность в рабочей силе и массовая

²³ Государственный архив Новосибирской области. Ф. П-13, оп. 1, д. 483, л. 32; д. 406, л. 12, 253; д. 841, л. 25, 65; ф. Р-878, оп. 2, д. 17, л. 16.

²⁴ Советская Сибирь (Новониколаевск). 1925. 14 янв.

²⁵ Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-1126, оп. 1, д. 352, л. 15.

безработица была ликвидирована. После того, как 13 марта 1930 г. закрылась Московская биржа труда, было официально объявлено, что безработицы в СССР больше нет.

Условия и оплата труда

Не менее серьёзной проблемой, вызывающей недовольство рабочих и снижающей производительность труда, были условия труда и размер заработной платы рабочих на предприятиях всех типов. Архивные материалы дают об этом некоторое представление.

Одним из самых крупных и лучше прочих оборудованных предприятий в Новониколаевске был «Холодильник», на котором работало 200 рабочих. На предприятии были водопровод и электрическое освещение. Однако удалённость его от города вынуждала рабочих добираться ежедневно туда и обратно по 3–4, версты, поскольку казённые квартиры вблизи завода были переполнены.

Рабочие кожзавода № 1 жаловались на то, что им негде оставить рабочую одежду, пропахшую кислотой. Они вынуждены были приносить её в свои казённые квартиры, где жили очень тесно и скученно. Хотя заводоуправление и выдавало рабочую одежду и обувь, но высчитывало за неё из зарплаты работников, так что многие предпочитали работать босиком, чем тратить на обувь свой скудный заработок²⁶.

Казалось бы, в лучшем положении должны быть железнодорожные рабочие, поскольку железная дорога была крупным государственным предприятием, к тому же имевшая постоянные заказы. Но, как выяснилось, рабочие получали зарплату с опозданием больше, чем на месяц. К тому же их зарплата, даже самая высокая, оказалась меньше, чем оплата кучера некоторых учреждений в городе, что вызывало их постоянное возмущение²⁷.

Низкая заработная плата, несвоевременная её выплата, а также различные злоупотребления (мнимые или реальные) администрации предприятий также были постоянным раздражающим фактором для рабочих. Особенно – во второй половине

²⁶ Трудовой путь (Новониколаевск). 1922. 28 авг.

²⁷ Государственный архив Новосибирской области. Ф. П-36, оп. 1, д. 258, л. 1.

1920-х гг., когда на предприятиях стали появляться дополнительные средства, которые по разным причинам не доходили до рабочих, но и в самом начале нэпа поводов для конфликтов с руководителями предприятий хватало.

Так, в августе 1922 г. администрация «Холодильника» распределила среди рабочих 100 пудов испортившегося масла в качестве «дополнительного вознаграждения», в то время как сотрудникам аппарата было выписано по полпуда свежего масла. Летом 1922 г. рабочие лесопильных заводов № 1 и № 2 несколько месяцев не получали ни зарплаты, ни продовольствия. При этом рабочим на аналогичном частном предприятии зарплата выплачивалась в большем размере и своевременно. Летом 1924 г. новониколаевская строительная контора Сибгосстрой затеяла строительство нового административного здания. Пятидесяти рабочим, трудившимся на строительных и отделочных работах, по окончании работ зарплата не была выплачена. Им в течение трех недель обещали расчёт после того, как приедет комиссия от Госстроя. Уладить конфликт удалось с трудом^{28,29,30}.

Конечно, номинальная заработная плата росла. Так, в октябре 1922 г. рабочие кожзавода получали 85 руб. 80 коп., а в декабре того же года – уже 207 руб. 50 коп., но рост зарплаты целиком перекрывала инфляция. Кроме того, у работодателей всегда оставалась возможность манипулировать переменной частью оплаты труда (разного рода премии, надбавки и т.д.). Так, весной 1924 г., когда началось перезаключение коллективных договоров, выяснилось, что Сибревком снизил надбавку за дороговизну с 45 до 15% от заработка. В итоге, например, рабочие-кожевники, получавшие в январе 20 руб., в феврале получили всего 13 руб. 50 коп.³¹.

Кроме низкой зарплаты и её задержек, рабочим в годы нэпа пришлось столкнуться с новой формой добровольно-принудительного изъятия из обращения наличных средств в виде разного рода займов, которые выдавались в счёт заработной платы. Так, осенью 1923 г. рабочим были выданы государственные выигрышные облигации по 5 руб. за каждую. Однако, когда подошел срок

²⁸ Трудовой путь (Новониколаевск). 1922. 28 авг.

²⁹ Государственный архив Новосибирской области. Ф. П-13, оп. 1, д. 406, л. 29.

³⁰ Советская Сибирь (Новониколаевск). 1924. 30 дек.

³¹ Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-1120, оп. 1, д. 595, л. 16; ф. П-13, оп. 1, д. 841, л. 43.

погашения весной 1925 г., госбанк выкупал эти облигации всего по 1 руб. 40 коп. за штуку. На рынке же эти бумаги оценивались и того дешевле – по 30 коп. Рабочие справедливо считали, что государство их просто обмануло³².

На мизерную зарплату жаловались рабочие, входившие в профсоюз медикосантруд. На окружной конференции профсоюза 20 сентября 1926 г. рабочие говорили, что администрация называет их «трёхкопеечными работниками». Вот что было записано в протоколе конференции: *«Нам говорят, что для повышения зарплаты денег нет, а сами наши ответственные работники утопают в роскоши. Коммунисты продают нас и эксплуатируют как негров в Африке; они объединились со старыми царскими чиновниками, живут в роскоши в национализированных домах, а мы живём в лачугах по 12 человек. Говорят о режиме экономии, а сами разъезжают на автомобилях, а рабочим лишь пыль в глаза пускают». «Хозяйственники Сибмедторга прибавили себе по 25–30 руб., а не хотят рабочему прибавить 3–5 руб., это невольно рабочего задевает за живое – он готов пойти на всё. Спецы без рабочих ничего не сделают. Если такое положение будет дальше, то не следует забывать, что рабочие могут показать свою силу, которую они проявили в Первой русской революции (продолжительные аплодисменты)»*³³.

Довольно резко прозвучали выступления рабочих на IV конференции ВКП(б) Вокзального района Новосибирска 19–22 марта 1927 г. Один из выступавших раскритиковал проводившуюся во всей стране кампанию за режим экономии: *«Зарплата буд-то бы поднялась на 10–15%, а индекс возрос на 20–30%. Масло было 40, а теперь 60 коп., сапоги были 14, а теперь 20 руб. Надо снизить цены хоть до осенней нормы. Говорят, что папиросы на 1 коп. стали дешевле, а сапоги на 5 руб. стали дороже – это надувательство. Выдача зарплаты всё время опаздывает, в кредит никто не даёт, а частник ставит тяжёлые условия <...> Режим экономии на транспорте проводится за счёт того, что путевых сторожей снижают в подённые и отбирают спецодежду»*³⁴.

³² Государственный архив Новосибирской области. Ф. П-13, оп. 1, д. 1027, л. 87.

³³ Там же. Ф. П-18, оп. 1, д. 60а, л. 49, 50.

³⁴ Там же. Ф. П-36, оп. 1, д. 610, л. 3.

Общий кризис в стране, начавшийся в 1927 г., связанный с проблемами с хлебозаготовками и «ножницами цен», привёл к тому, что в Новосибирске начались перебои с хлебом, нередко наблюдалась продажа некачественного товара в кооперативных магазинах Центрального рабочего кооператива (ЦРК) [Кокоулин, 2019].

Городские рабочие часто обсуждали причины этих явлений не только между собой, но и на разного рода собраниях. Вот характерные мнения: в кооперации *«сидят не рабочие, а спекулянты, пай с нас требуют, а рабочие голодают»*; по поводу дефицита хлеба рабочие говорили: *«У мужика хлеб выгребли и отдали под суд за то, что он сеял, трудился, а теперь мы голодаем, глядишь бы, около него могли пропитаться»*, *«Частники подняли цену на хлеб, их по 107 статье не судят, а мужиков так судили»*. Особенно резко высказались рабочие Хлебозавода о своей администрации: *«Мы, рабочие, получаем гроши, сидим голодом, а наши спецы, ничего не делая, получают по 200 и больше рублей, раскатывают на автомобилях, до коих же пор мы будем терпеть это безобразие. Если говорите о дефиците предприятия, то зачем тогда держите лишних спецов»*.

На заводе «Труд» рабочие выступили против займа как способа *«выкачать деньги у рабочих добровольно-принудительным путём»*, заявляя, что *«сперва собрали хлеб и отправили его за границу, а потом принялись собирать деньги с рабочих»*³⁵.

В фондах Государственного архива Новосибирской области сохранилась «Докладная записка о политнастроениях рабочих Новосибирска», составленная местным отделом ОГПУ 31 августа 1928 г. В ней отмечалось недовольство рабочих установленными расценками, в результате введения которых заработок квалифицированных рабочих урезался с 4–5 руб. до 3–3,5 руб. В частных беседах рабочие возмущались Госстроем, который и вводил новые расценки. Вот что зафиксировано в этой сводке: *«Нужно разогнать этот Госстрой. Он эксплуатирует рабочих хуже, чем раньше подрядчики. С каждым годом расценки всё урезают и урезают, в нынешний сезон рабочий не заработает на зиму, а это приведёт к тому, что зимой рабочим вместе с семьями придётся подыхать с голоду или идти на большую дорогу»*

³⁵ Государственный архив Новосибирской области. Ф. П-76, оп. 1, д. 254, л. 35, 36.

бить толстопузых с портфелями»³⁶. Раскритиковали рабочие и свой профсоюз, который, по их мнению, полностью сросся с администрацией и оторвался от рабочих: «Союзы – это ширма, под которой обдeldывают рабочих. Они в полной спайке с хозяйственниками и ведут с ними одну линию. А всё это потому, что в Союзе не наши рабочие, а ставленники свьше. Давно бы их всех нужно повыгонять и отправить на Соловки»³⁷.

Выводы

Рассмотрев развитие промышленности и положение рабочих в «столице Сибири» в годы новой экономической политики, следует отметить крайне противоречивые тенденции, которые наблюдались в этот период. С одной стороны, власть была заинтересована в развитии промышленности и возможно более широком производстве товаров народного потребления, но, с другой стороны, она любой ценой стремилась сохранить государственный сектор, и, прежде всего, национализированную промышленность с тем, чтобы в рыночных условиях держать в своих руках командные высоты. Сдача национализированных предприятий в аренду в 1921–1922 гг. рассматривалась как вынужденный шаг, временное отступление в условиях нехватки средств для восстановления и налаживания нормального функционирования всех предприятий. Вне рыночные административные отношения рассматривались властью как «истинно социалистические», и власть старалась их также сохранить как основной инструмент управления промышленностью. В итоге в годы нэпа в Новониколаевске, как и во всей стране в целом, было два вида промышленности – убыточная государственная и постоянно регламентируемая и ограничиваемая властью частная и кооперативная, ориентированная в основном на местного потребителя.

Нивелировать недостатки нэповской модели развития промышленности, которые выявились уже в первые годы нэпа, руководство страны пыталось путем усиления административных методов управления и перераспределения ресурсов. Государственная монополия не только в важнейших отраслях промышленности, но и во второстепенных, но имевших с точки зрения

³⁶ Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-1228, оп. 3, д. 13, л. 23.

³⁷ Там же. Ф. Р-1228, оп. 3, д. 13, л. 31, 32.

власти важное значение, лишала промышленность необходимой гибкости и маневренности. Как только рыночные нэповские принципы приходили в противоречие с государственной промышленностью и государственным сектором в экономике, они немедленно подавлялись административным путём.

В итоге к концу нэпа так и не было найдено оптимальных форм развития промышленности, баланса социалистической и рыночной экономики. Административное прекращение нэпа, таким образом, было связано не столько со сталинской политикой индустриализации, сколько с закономерным развитием одной из тенденций, которые были присущи самой новой экономической политике.

Литература

Воронин Д. В. О работе Сибревкома по социально-экономическому развитию Западной Сибири в 1920-е гг. // Сибирский архив. 2019. Т. 2. № 2. С. 1–9.

Гуменюк А. А. Перевод промышленности Саратовской губернии на рельсы нэпа // КЛИО. 2018. № 1 (28). С. 148–156.

Железнякова Т. Б. Правовое регулирование развития промышленности Нижнего Поволжья в период нэпа // Гуманитарные исследования. 2005. № 4 (16). С. 89–92.

Каташев М. С. Развитие кустарной промышленности в Горном Алтае в годы нэпа (1922–1928 гг.) // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай): Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Горно-Алтайск, 2014. С. 309–315.

Кокоулин В. Г. Новониколаевск в годы революции, Гражданской войны и «военного коммунизма» (февраль 1917 – март 1921 г.). Новосибирск, 2010. 324 с.

Кокоулин В. Г. Торговля в Новониколаевске (Новосибирске) в годы новой экономической политики // Сибирское купечество: истоки, деятельность, наследие. Мат-лы III Всерос. науч. конф. Томск, 2019. С. 166–176.

Кокоулин В. Г., Лихоманов И. В. Региональное управление сквозь призму революционного опыта (1917–1925 гг.) // ЭКО. 2017. № 11 (521). С. 62–73.

Красильникова Е. И. Новый быт Сибирского Чикаго: очерки городской повседневности Новосибирска между войнами. Новосибирск, 2006. 240 с.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1977. Т. 43.

Новиков М. В., Землянская С. В. Иностраннный капитал в советской электротехнической промышленности сильных токов в годы нэпа // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 3: Экономика. Экология. 2008. № 2 (13). С. 211–218.

Тарасенко В. Н. Быт периода нэпа: борьба старого и нового (историографические заметки) // Сервис в России и за рубежом. 2013. № 2 (40). С. 161–171.

Ханин Г. И. Честная и актуальная история. Рец. на кн.: Голанд Ю. М. Дискуссии об экономической политике в годы денежной реформы 1921–1924 гг. М., 2006 // ЭКО. 2009. № 9 (423). С. 140–151.

Юматова Е. А. Изменение управления промышленностью в начальный период нэпа (на примере Владимирской губернии) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 101. С. 50–55.

Юрлов П. В. Условия предпринимательской деятельности в Сибири в 1920-е гг. // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2012. № 12 (75). С. 196–202.

Graziosi A. Building the first system of state industry in history (Piatakov's VSNKh and the crisis of the NEP, 1923–1926) // Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. 32. No. 4, Octobre-Décembre 1991. Spécialistes, bureaucratie et administration dans l'Empire russe et en URSS, 1880–1945. Pp. 539–580.

Статья поступила 26.10.2020.

Статья принята к публикации 02.11.2020.

Для цитирования: Кокоулин В. Г. Восстановление и развитие промышленности Новониколаевска-Новосибирска в годы Новой экономической политики // ЭКО. 2021. № 3. С. 35–58. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-3-35-58.

Summary

Kokoulin, V.G., *Doct. Sci. (Historical), Siberian University of Consumer Co-operation, Novosibirsk*

Restoration and Development of the Industry of Novonikolaevsk-Novosibirsk in the Years of the New Economic Policy

Abstract. The paper deals with the problems of restoration and development of industry in Novonikolaevsk (Novosibirsk) in the years of the new economic policy (1921–1929). This period saw contradictory policy towards different forms of ownership in the industry (state, cooperative, private). Among the main problems that did not allow increasing labor productivity were unemployment, working conditions, and wages, the attitude of workers to political and economic measures of the government. The author comes to the conclusion that the collapse of the NEP resulted from one of the trends that were inherent in this policy.

Keywords: *Siberia; Sibrevkom; Novonikolaevsk; Novosibirsk; new economic policy; NEP; state industry; cooperative industry; rent; unemployment*

References

Graziosi, A. (1991). Building the first system of state industry in history (Piatakov's VSNKh and the crisis of the NEP, 1923–1926). Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. 32. No. 4. Octobre-Décembre. Spécialistes, bureaucratie et administration dans l'Empire russe et en URSS, 1880–1945. Pp. 539–580. (In Russ.).

Gumenyuk, A.A. (2018). Transfer of the industry of the Saratov province to the rails of the NEP. *KLIO*. No. 1 (28). Pp. 148–156. (In Russ.).

Katashev, M.S. (2014). *Development of the handicraft industry in the Altai Mountains in the years of the NEP (1922–1928)*. History and Culture of the peoples of South-Western Siberia and adjacent regions (Kazakhstan, Mongolia, China): Reports of the international scientific and practical conference. Gorno-Altai, Pp. 309–315. (In Russ.).

Khanin, G.I. (2009). Honest and relevant history. Review on the book: Goland Y.M. Discussion about economic policy in the years of the monetary reform 1921–1924. Moscow. *ECO*. No. 9 (423). Pp. 140–151. (In Russ.).

Kokoulin, V.G. (2010). *Novonikolaevsk in the years of the Revolution, Civil war and “war communism” (February 1917 – March 1921)*. Novosibirsk, 324 p. (In Russ.).

Kokoulin, V.G. (2019). *Trade in Novonikolayevsk (Novosibirsk) in the years of new economic policy*. Siberian merchants: the origins, activities, heritage. Materials of the III All-Russian Scientific Conference. Tomsk, Pp. 166–176. (In Russ.).

Kokoulin, V.G., Likhomanov, I.V. (2017). Regional governance through the prism of revolutionary experience (1917–1925). *ECO*. No. 11 (521). Pp. 62–73. (In Russ.).

Krasilnikova, E.I. (2006). *New life of the Siberian Chicago: essays of the urban everyday life of Novosibirsk between the wars*. Novosibirsk, 240 p. (In Russ.).

Lenin, V.I. (1977). *Complete works*. Moscow. Politizdat. Vol. 43. (In Russ.).

Novikov, M.V., Zemlyanskaya, S.V. (2008). Foreign capital in the Soviet electrotechnical industry of strong currents in the years of NEP. *Science journal of Volgograd state University*. Series 3: The Economy. Ecology. No. 2 (13). Pp. 211–218. (In Russ.).

Tarasenko, V.N. (2013). Life of the NEP period: the struggle of the old and the new (historiographical notes). *Service in Russia and abroad*. No. 2 (40). Pp. 161–171. (In Russ.).

Voronin, D.V. (2019). On the work of the Sibrevkom on the socio-economic development of Western Siberia in the 1920s. *Siberian Archive*. Vol. 2. No. 2. P. 1–9. (In Russ.).

Yumatova, E.A. (2009). Change management industry in the early period of the new economic policy (on the example of the Vladimir province). *Bulletin of the Russian state pedagogical University named after A. I. Herzen*. No. 101. Pp. 50–55. (In Russ.).

Yurlov, P.V. (2012). Business conditions in Siberia in the 1920s. *Bulletin of the Krasnoyarsk State Agrarian University*. No. 12 (75). Pp. 196–202. (In Russ.).

Zheleznyakova, T.B. (2005). Legal regulation of the development of industry in the Lower Volga region during the NEP period. *Humanitarian studies*. No. 4 (16). Pp. 89–92. (In Russ.).

For citation: Kokoulin, V.G. (2021). Restoration and Development of the Industry of Novonikolaevsk-Novosibirsk in the Years of the New Economic Policy. *ECO*. No. 3. Pp. 35–58. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-3-35-58.